

1986

Почитаем исповеди белорусских детей, написанные ими собственноручно 23 апреля 1986 года, за три дня до Чернобыльской трагедии:

Андрей Скитёв:

“В воскресенье 20 апреля часов в десять утра я приехал в Троицкое предместье для того, чтобы помочь подготовить художественную выставку, а затем принять участие в проведении праздника “Гуканне вясны”.

Около одиннадцати часов приехали наши ребята. Мы пошли к реке, где должен был происходить древний обряд. Нас собралось человек тридцать, в основном девочки.

Мы начали петь белорусские обрядовые песни, водить хороводы. К нам подходили люди. Тут я заметил, что на склоне к реке выстроились незнакомые парни (человек семьдесят). Это были явно не любители искусства. Потом часть из них начала спускаться к нам, я перестал на них смотреть.

Мы водили хоровод. В центре стоял Минко Виктор с бумажной птицей в руках. В середину хоровода пробился незнакомый парень и сорвал с Виктора ленточку с белорусским орнаментом, вырвал из его рук птицу. Подбежали еще несколько парней. Виктора толкнули в толпу и там сразу начали бить.

Одновременно остальные парни начали сдирать у всех с голов ленточки, топтать ногами национальный орнамент. У меня на голове не было ленточки, и ко мне никто не подошел. Я видел, как били Кораблина Валерия, Стельмашка Сергея, Бондаровича Игоря, Костку Алеся. Били за белорусскую речь, за то, что поем народные песни. Многие из нападавших были пьяны, матерились.

Потом все наши пошли наверх, а я остался. Видел, как рвали нашу бумажную птицу — символ весны. Я пошел наверх. Там меня и Минко Виктора отвели в милицейскую машину. В машине с нами разговаривал человек в штатском, который представился как сотрудник милиции. Он нас в чем-то обвинял, я не понял в чем. Его речь была лишена смысла, обвинения надуманы. "Идите отсюда, а то тут рабочие парни из Афганистана вам кости поломают," — так он закончил. Когда мы сидели в машине, раздался звонок, спрашивали, как идут дела на празднике. Один из работников милиции ответил, что все идет нормально."

Виктор Минко:

"По приглашению Союза художников я поехал в воскресенье 20 апреля в Троицкое предместье на "Выставку одного дня". Я приехал туда со своими одноклассниками в 11 часов. Там уже находились наши ребята, которые выставляли свои работы. У нас на головах были ленточки с национальным орнаментом, а у меня в руках была большая обрядовая птица из бумаги — "Жаворонок". Мы водили хоровод и пели народные песни. Когда к нам стали спускаться парни, я сразу ничего не понял. Они начали срывать повязки, ничего не объяснив.

Один подошел ко мне и вырвал птицу, а кто-то сзади толкнул меня в кучу этих парней. Меня ударили кулаком в лицо. Этот "разбор" проходил минуту или две. Они говорили, чтобы мы убирались отсюда. А когда им отвечали на белорусском языке, они кричали, чтобы замолчал, потому что не понимают и ненавидят этот язык.

Они себя называли "афганцами", накануне их вызвали в горком комсомола и дали там указания расправиться с нами. Среди них было много пьяных, они сильно ругались матом. Никто из милиционеров не попытался заступиться за нас. Когда я разговаривал с одним милиционером (не знаю его звания, так как он был в штатском, но что он был милиционер, так это точно, так как он представился, что сотрудник милиции, и завел меня с Андреем Скитёвым в милицейскую машину), то он нам сказал: "Ребята, если вы не хотите кончить это дело больницей, то уезжайте быстро домой". После этого нам ничего не оставалось, как уехать подбру-поздорову."

Наташа Белоокая:

"Я приехала на праздник весны позже, так как ночевала у тети и поехала от нее сразу в Троицкое предместье. Наши ребята уже водили хоровод и пели белорусскую народную песню. Я присоединилась к ним. Не успели мы пропеть эту песню, как вдруг с горки сбежали какие-то парни и кинулись срывать с нас ленточки с белорусским орнаментом и толкать нас. "Снимайте повязки!" – кричали они и добавляли матом. Многие были пьяные. Я только что приехала и еще не успела повязать ленточку (купленную мною накануне в ЦУМе), но меня тоже хорошенько толкнули.

Мы спросили у них, что это значит, почему нас бьют, особенно мальчишек. Они говорили, что пришли из Афганистана, их собрали специально в горком комсомола для борьбы с фашистами, которые в этот день должны были отмечать день рождения Гитлера. И им сказали, (а один доказывал, что в прошлом году сам видел), что молодежь вначале будет петь белорусские песни, а потом кричать лозунги. Они и не стали дожидаться, увидели, что мы поем народные песни, и

кинулись нас бить. Однако я сомневаюсь, что фашисты знают белорусские старинные песни.

Мы стали объяснять, что мы не фашисты, а из художественной школы, что мы сюда приглашены. Это мы говорили на белорусском языке. "Говорите на русском, по-человечески давайте! — кричали они. — Еще одно слово на белорусском — и по реке поплывете!"

Потом один смотрит на меня и говорит: "Если хотите жить, то забирайте своих шлях и отправляйтесь отсюда!" Я возмутилась. Тогда один парень дернул меня за пальто и вперемешку с матами объяснил, что если где встретит, то ни рожать, ни жить больше не буду."

Нелли Мацкевич:

"Я была на празднике в воскресенье 20 апреля. Нас пригласили, и мы с радостью пришли. Мы пели белорусские песни. И еще у нас на голове были ленточки с национальным орнаментом. И вот когда мы были на набережной, то сверху стали собираться люди. Я подумала, что они просто интересуются. Но стали спускаться парни, и по одному врываются в наш круг, и с угрозой стали говорить, даже приказывать, чтобы все сняли повязки. И для того, чтобы все это ясно поняли, с кого-то содрали.

Все в ужасе и растерянности прямо остолбенели от такого неожиданного поворота. Я так вообще не могла понять, кто они такие, но первая моя мысль была — это то, что так просто это не могло произойти, а так как мы пели по-белорусски, то я и подумала, что эти люди именно из-за этого и подняли на нас руки. А потом из-за их зверских выходок я вообще подумала, что они какие-то фашисты.

Ну вот, когда они это сказали, я, не поняв, или, может, из принципа ленточки не снимала, но тут ко мне подошли двое. Один с таким диким выражением лица сказал: "Ты чего стоишь? Тебе непонятно, что было сказано?" У меня все как онемело. А когда второй сзади стал дергать за волосы, я сняла повязку.

Вокруг творилось что-то ужасное. Витьку кинули в кучу и сильно ударили по лицу. Всем говорили, чтобы немедленно уходили отсюда, кто-то из них сказал: не пешком, а вприпрыжку. Угрожали, что если немедленно не уйдем, то нас повыкидывают в реку. И с такими дикими выкриками подбегали, голову вперед, и с оскалом, и глаза навывкат, и сжав кулаки — ты, мол, не веришь? И от них несло перегаром.

Меня охватил такой ужас оттого, что я не могла ничего понять, и оттого, что милиция была рядом и ничего не предприняла. Я пыталась что-то доказать, но, видя, что происходит, у меня язык как примерз к небу.

Когда мы уже стали уходить, то я обернулась и увидела, что они раздирают нашу птичку, и, заметив, что она сделана из рисунков обнаженной натуры, кричали, что, мол, порнография. Потом у меня началась истерика. Я не могла остановиться. В голове было столько мыслей, и все было так неожиданно, обидно. Я плакала и не понимала. Мне было горько и страшно. И весь тот день у меня так болела голова, что врагу не пожелаешь. Ну, это, конечно, не все, так как чтобы все передать, бумаги не хватит."

"...На наш взгляд, в Троицком предместье имел место организованный шовинистический погром. Он произошел в присутствии сотен людей. Поразительно, что милиция не помешала избиению школьников. Ни один из хулиганов не был задержан.

После случившегося партийные и комсомольские работники начали распространять клеветническую информацию. Будто в Троицком предместье было выступление фашистов, панков, пацифистов, которых разогнал комсомольский отряд. В школу-интернат поспешили инструкторы горкома партии с требованием, чтобы никто никуда не писал о происшествии. В противном случае школьники не сдадут экзамены и никуда не поступят. Медицинские справки о побоях у школьников забрали. На основании сфальсифицированных данных горком наказал учителей школы Шарину, Шумейко, Плитко, завуча Пантюка вынудили оставить должность.

На партийном собрании в Союзе художников заведующая отделом пропаганды и агитации Минского горкома КПБ Юферова грубо воздействовала на присутствующих, добивалась наказания организаторам праздника. Нас она называла "людьми с нетвердыми идейными убеждениями", "подстрекателями". Комсомол ничего не делает без ведома партии. Прежде чем натравить воинов-афганцев на школьников, горком комсомола получил инструкции в горкоме партии. Оклеветав нас, Юферова уходила от ответственности за погром.

Заведующий отделом культуры Центрального комитета КПБ Антонович пригласил нас к себе в кабинет по улице К.Маркса, 38 и отчитал за неправильное поведение. Его крайне возмутило не то, что милиция позволила избить детей, а то, что мы, старшие, отвели избитых школьников в поликлинику для медицинского освидетельствования.

На всех уровнях государства упорно не хотят видеть в беспрецедентных хулиганских действиях грубое оскорбление белорусской культуры, языка, в конечном счете — белорусского народа.

Алексей Марочкин, Микола Купава, члены Союза художников."

"Марочкину А., Купаве Н.

На ваше заявление сообщается, что в Прокуратуре Белорусской ССР изучен материал проверки по факту инцидента, происшедшего в Троицком предместье в Минске.

Установлено, что, пользуясь бесконтрольностью со стороны организаторов выставки и руководства школы, группа учащихся самостоятельно вышла на набережную реки Свислочь и начала водить хороводы, исполнять старинные белорусские песни о весне. В это время туда по собственной инициативе подошли бывшие воины ограниченного контингента советских войск в Афганистане для охраны общественного порядка. Увидев в руках учащихся деревянный крест и изготовленный из грязного ватмана макет птицы и полагая, что молодежь отмечает день рождения Гитлера, они потребовали убрать указанную символику. Получив отказ, бывшие военнослужащие отняли крест и макет птицы, при этом во время потасовки некоторым учащимся были причинены ушибы.

По данному факту следственным отделом УВД Мингорисполкома проведена проверка и вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, так как инцидент произошел из-за недостаточной подготовки и организации культурно-массовых мероприятий в Троицком предместье."

О растерзании белорусского жаворонка страна не узнала. Государственные газеты скрыли, а негосударственных не существовало. Даже смелая "Литературная газета" не рискнула напечатать мою статью о трагическом празднике белорусов, через три вступивших на скорбный Чернобыльский Шлях

2010

28 апреля 1986 года

Теплый весенний день. Моросил дождичек. Чирикали воробьи. Иногда проглядывало солнце.

Я посмотрел в окно. У подъезда нашего панельного дома в столичном микрорайоне Запад стояла зеленая детская коляска, плотно закрытая. Весенний дождик-туман был не страшен человеку, спавшему в коляске. Он полезен для здоровья. Он свеж, насыщен кислородом, запахом первого одуванчика. Дыши, человек, на полную грудь!

В коляске спал мой сын Коля, ему исполнилось семь месяцев. Рядом с ним в легком плащике стояла моя жена Тамара. Они вышли на обязательную прогулку. На природу.

28 апреля 1986 года над Минском моросил дождь. Ветер в тот день был южный. Это зафиксировала минская станция метеонаблюдений. Ветер был радиоактивный. Из Чернобыля. В Минске приборы фиксировали повышенный фон радиации.

Мы ничего не знали. Уже целый год прошел после апрельского (1985) пленума КПСС, открывшего «шлюзы гласности», а нас не проинформировали о смертельном ветре, два дня дующем с юга.

Я помог жене поднять на четвертый этаж коляску с Колей. В квартире коляска быстро высохла. Мы не знали, что она стала смертельно опасна, что ее надо немедленно вымыть с мылом, а еще лучше -- выбросить. Об этом нам сообщили сквозь зубы спустя неделю, когда весь мир кричал о чернобыльской беде.

Сейчас у моего младшего сына, двадцатипятилетнего Коли, -- проблемы со щитовидной железой. Как у большинства его ровесников, ровесников реального Чернобыля и мифической Перестройки.

2010

www.kamunikat.org